

Она посидела на месте еще немного. За это время к ней подходили покупатели: кто-то брал мелочевку, кто-то интересовался дровами. Увидев, что у Чжэн Далян вязанки разобрали подчистую, люди уходили разочарованными, вынужденные довольствоваться тем, что осталось у других торговцев.

Заметив, что шелковые платки и кошельки почти распроданы, а воланов осталось всего ничего, Чжэн Далян попрощалась с соседями по рынку. Она свернула остатки товара, взвалила на плечо дрова и отнесла их в лапшичную Сюй, после чего неспешной походкой направилась к переулку Юнчан, что неподалеку от Большого рынка.

Юнчан был крупнейшим жилым кварталом в западной части города. Там селились в основном торговцы, ремесленники и наемные работники. У здешних обитателей водилась лишняя копейка, да и условия жизни были куда лучше, чем в других местах.

Чжэн Далян дошла до старой софоры у входа в переулок, опустила на землю дровяные щипцы, открыла свой заплечный мешок и, достав волан, принялась его подбрасывать.

Из переулка показалась детская головенка. Увидев Чжэн Далян, ребенок просиял, развернулся и помчался обратно вглубь квартала, выкрикивая: — Брат Далян пришел! Брат Далян пришел! Все, выходите скорее!

Вскоре из переулка потянулась ребятня с маленькими табуретками, за ними вышли и старики. Каждый, проходя мимо, бросал по монетке в мешок Далян, а затем, привычно соблюдая очередь, расставлял сиденья. Тем временем последние воланы были раскуплены, и несколько детей, которым они не достались, едва не расплакались.

Когда поток людей иссяк, Чжэн Далян даже не стала пересчитывать медяки, чтобы проверить, совпадает ли их количество с числом зрителей. Она бойко затянула горловину мешка: — Все пришли? Никого не забыли? Если все здесь, то я начинаю!

Увидев, что все согласно закивали, Чжэн Далян закатала рукава, правой рукой подхватила дровяные щипцы и выписала ими пару кругов, словно мечом, а левую приставила козырьком ко лбу. Озорно подмигнув, она провозгласила: — Старина Сунь пожаловал! В прошлый раз мы остановились на том, что...

Старики и дети на табуретках дружно захлопали, кто-то принялся щелкать семечки.

Неофициальные выступления стали для Чжэн Далян вторым источником дохода в городе. Все началось случайно: дрова продавались все быстрее, свободного времени становилось больше, и однажды, не зная, куда деться, она забрела сюда отдохнуть. Заговорила с детьми, игравшими под деревом, и сама не заметила, как начала рассказывать им истории.

В первый раз она не успела закончить, пришлось пообещать вернуться. А потом все завертелось, как снежный ком: слушателей становилось все больше. Не только дети, но и

скучающие старики начали собираться послушать. Далян поняла, что это верный шанс заработать, и превратила посиделки в настоящий промысел.

После сбора денег кто-то уходил, но большинство оставалось. Во-первых, в городских чайных за выступление нужно было выложить от пяти до десяти монет, да еще и заказывать еду и вино. Здесь же за одну монетку можно было услышать историю — для них это была сущая мелочь.

Во-вторых, Чжэн Далян рассказывала иначе, чем остальные. Другие сказители вечно твердили о верности, сыновней почтительности, духах и демонах — скучно, нелепо и никакой связности. У Далян же истории были интересными, она могла вставить песню, если того требовал сюжет, или показать пару приемов из боевых искусств. Старики и дети были в восторге.

Выступление длилось две четверти часа — около тридцати минут. Больше было тяжело, ведь приходилось и петь, и двигаться. Несколько детей, которым не хватило впечатлений, еще немного поканючили, выбивая обещание прийти послезавтра. Чжэн Далян с улыбкой пообещала, и только тогда они неохотно разошлись.

Далян, у которой в горле пересохло, посидела под деревом, глядя на солнце, а затем медленно побрела обратно к торговым рядам.

Увидев вывеску лапшичной Сюй с ценой десять монет за миску лапши Янчунь, Чжэн Далян сглотнула слюну, облизнула сухие губы, но молча свернула к лавке с лепешками.

Там продавали большие лепешки из грубой муки по четыре монеты и маленькие из белой по шесть. Еще там продавали вяленое мясо, соленья, а главное — можно было бесплатно напиться кипятка.

Далян купила две лепешки из грубой муки, встала под навесом лавки и, закусывая соленьями, которые дала ей сестра, жадно съела полторы штуки. Запив все это тремя большими чашками кипятка, она почувствовала сытость. Оставшуюся половинку лепешки спрятала — пригодится на обратном пути домой.

Найдя тенок, она подремала около четверти часа, а затем без промедления отправилась к рисовым складам. Сегодня с работой не везло: обошла три места, прежде чем нашла склад, где требовались люди. Там уже стояла очередь из носильщиков. Далян поспешила встать в хвост.

Когда подошла ее очередь, управляющий, сидевший за столом, окинул ее косым взглядом: — Тощая как щепка! Ты вообще справишься?!

Чжэн Далян хлопнула себя по груди: — Не смотрите, что худая, силы во мне хоть отбавляй!

— Одна монета за две мешка, минимум одна полная кладка! Не управишься — не получишь ни гроша!

Далян опешила: — Разве не монета за мешок? Как же так...

Управляющий нетерпеливо махнул рукой: — Торговля плохая, оплату урезали! Будешь брать или нет? Уходи, если нет! Следующий!

— Буду, буду... я беру, — Чжэн Далян почесала затылок и назвала свое имя.

Мешок риса весил двадцать цзиней, в кладке их было пятьдесят. Далян спрятала кошелек, оставила мешок и щипцы в стороне и принялась за изнурительную работу.

За два часа она перетаскала с телеги в глубину склада целую тысячу цзиней риса! Устала так, что готова была выплюнуть легкие. Получив жалкие двадцать пять монет, Чжэн Далян лишь тяжело вздохнула.

Поняв, что день клонится к закату, она поспешила покинуть склад. Купила на улице леденцов и поспешила в деревню Ши, пока не стемнело. Если попадется грабитель на ночной дороге, весь ее дневной заработок пойдет прахом, а сама она может поплатиться жизнью.

По пути зашла к Ши Цяо, чтобы отдать его долю за воланы. По справедливости, раз он давал и инструмент, и материал, Далян должна была отдать ему шестьдесят процентов, то есть по девять монет с каждого волана.

Ши Цяо уперся: идею придумала Далян, а воланы в основном шила Эр-нян, ни в какую не соглашался! В итоге сошлись на семи монетах ему и восьми ей. Держа в руках тяжелую горсть меди, Ши Цяо смотрел на Далян, которая от усталости едва ворочала языком, и хотел что-то сказать, но промолчал.

Домой она добралась, едва волоча ноги, когда уже совсем стемнело. Увидев вспотевшее, но улыбающееся лицо сестры, Чжэн Эр-нян отвернулась, чтобы смахнуть слезы, и поспешила разогреть рисовую кашу. Зная, что Далян любит чистоту, она приготовила таз с горячей водой, чтобы та могла смыть усталость.

Далян уже с трудом открывала глаза, но не хотела огорчать сестру. Да и липкий пот был невыносим. Преодолевая слабость, она доела кашу, умылась и повалилась на кровать.

Как хорошо... сегодня заработала четыре сотни монет... Завтра с утра в горы, Саньчжу и остальные придут к подножию... Только успела подумать об этом, как погрузилась в сладкий сон.

Сидя у подножия горы, Чжэн Далян поглядывала на деревню и проверяла большой полотняный мешок. Нужно было успеть собрать плоды японской сливы, пока они в самом соку.

Время встречи с Чжэн Саньчжу она назначила намного раньше, чем тот обычно вставал. Далян не стала его предупреждать. Это было одно из испытаний: если не можешь справиться с такой мелочью, как ранний подъем, о чем-то большем и говорить не стоит.

Вскоре в поле зрения показались две маленькие фигурки. Далян невольно улыбнулась. Заметив ее, мальчишки припустили бегом и, гордо выпятив грудь, выпалили: — Старший брат, мы пришли!

Ши Ма тоже застенчиво улыбнулся, и на его щеках проступили ямочки: — Здравствуйте, брат Чжэн.

Чжэн Далян удовлетворенно кивнула — это была их первая маленькая победа.

— Решили твердо, что хотите учиться? — она получила в ответ решительные кивки.

Далян не стала ходить вокруг да около: — Хорошо. Если сможете выполнить мои требования в срок, я официально возьму вас в ученики. Смотрите сюда.

Она достала лист бумаги, на котором было написано двадцать четыре иероглифа: «Начало человека, природа добра. Природа схожа, привычки разнятся. Если не учить, природа изменится. Путь учения — в усердии». Это было начало «Троесловия». Писать было негде, поэтому иероглифы вышли немного корявыми, но зато четкими и правильными. Она заплатила пять монет писарю в городе, чтобы он помог их набросать.

Саньчжу и Ши Ма знали, что это иероглифы, но для них, необразованных, они выглядели как бессмысленные каракули, от которых рябило в глазах.

Далян не стала выяснять, поняли ли они что-нибудь, и принялась показывать, как вставать в стойку мабу.

Южане обычно были ниже и слабее северян, поэтому устойчивость была для них важнее всего. Далян выбрала для них стойку с чуть более высоким центром тяжести и широким шагом — тренироваться так было сложнее, но эффективнее.

Она подчеркнула важность фундамента, а затем дала задание: через пять дней они должны были выучить эти иероглифы наизусть и стоять в стойке так, чтобы она не могла их сдвинуть с места. Только тогда она примет их в ученики.

Сказав это, Далян оставила ошарашенных мальчишек и направилась в горы.

Для детей без всякой базы выполнить эти два условия, сохраняя все в тайне, было почти невозможно. Но Далян хотела подтолкнуть их к пределу, проверить их выносливость и упорство.

Жестоко? Безусловно. Но реальность была беспощадна, особенно к детям из бедных семей. Чжэн Далян не хотела, чтобы ее минутная жалость в будущем стала для них смертным приговором.

<http://bllate.org/book/19131/1878911>